

Инна Балтийская
Эликсир для потрошителя

Инна Балтийская

Эликсир для Потрошителя

«Автор»

Балтийская И.

Эликсир для Потрошителя / И. Балтийская — «Автор»,

В маленьком городке происходят странные события. Оперативники ловят серийника, который убивает девушек. Но на месте преступления задерживают хрупкую девочку со шприцем. После этого начинается череда странных отравлений, которым нет конца... После зверского убийства популярной певицы в Москве подруга уговаривает генетика Веронику Нежданову поехать в маленький городок, чтобы найти источник зла. Вероника соглашается, потому что уверена – городок послужил новым пристанищем безумного генетика Самойлова...

© Балтийская И.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Инна Балтийская

Эликсир для Потрошителя

Глава 1

– Не забывайте: его надо взять в тот момент, когда он достанет шприц! Не раньше! Чтоб все по закону – отпечатки, нападение... Чтоб никакой адвокат нас не умыл, и не пришлось бы снова гада выпускать. Не подведите!

Сидевшие за кустами люди отводили глаза, не отвечали. Все понимали, что дожидаться появления шприца рискованно. Если маньяк успеет вколоть жертве свой адский состав, и это заснимут на камеру, разумеется, улики для суда будут предостаточно. Но вот жертва может и не выжить...

Высокая спортивная девушка в ярких мини-шортиках и кроссовках тем временем неторопливо прогуливалась по парку, сжимая в руке мобильник и нервно оглядываясь. Со стороны казалось, что она ждет кавалера, опаздывающего на свидание, и с каждой минутой расстраивается все больше. Как советовали психологи, она все больше замедляла шаги, все ниже опускала голову, все чаще останавливалась и с тоской глядела на заходящее за вершины деревьев солнце.

Но в вечернем лесопарке Новореченска было тихо и пустынно, и даже птицы не нарушили давящей тишины. Лишь изредка каркали вороны. Солнце неторопливо опускалось все ближе к вершинам старых лип и каштанов, и казалось, что оно на глазах тускнеет, словно темно-зеленая листва гасит, не пропускает солнечные лучи. Напуганные событиями последних месяцев, горожане давно уже не ходили сюда на прогулки, и даже подростки предпочитали пить пиво в других городских скверах. И теперь безлюдный парк напоминал заколдованный лес, в котором совершались жертвоприношения.

Телевизионщики все сильнее нервничали – похоже было, что этим вечером взять маньяка не получится, а сидеть в засаде два рабочих дня начальство не позволит. Капитан Антон Скороходов тоже весь извелся. Вдруг все их расчеты были ошибочными, и маньяк охотится вовсе не в этом парке? И, пока они держат тут весь оперсостав и телебригаду, серийник приканчивает очередную жертву в другом конце города?

От этой мысли капитана бросило в дрожь. Если сегодня в сводках появится третья жертва, весь отдел полиции расформируют ко всем чертям. Он бы и сам так поступил на месте начальства. Грош цена таким профессионалам. Один раз маньяк был у них в руках, они поймали его, можно сказать, на месте преступления, буквально в двух шагах от трупа. И не смогли собрать нужные доказательства! Шприц с ядом валялся возле трупа, но отпечатки пальцев на нем оказались стерты, а на холщовой веревке, которой он задушил девушку, их не было вообще.

Все – и оперативники, и следователь – готовы были присягнуть, что Нагаев и есть господин Паралич, которого вот уже несколько лет ловили по всей стране. Тот самый серийник, который вкалывал жертве парализующий яд и медленно душил ее, наслаждаясь агонией. Но прямых доказательств не было.

Нагаева задержали при выходе из парка, через пару минут после убийства, но что ему могли предъявить? Вечернюю прогулку по лесопарку в неудачное время? При нем не оказалось ни второго шприца, ни веревки, ни даже портфеля или сумки, где он мог бы их носить. И неизвестно кем нанятый дорогой адвокат на суде сделал их одной левой, как слепых котят. Им пришлось с извинениями выпустить Нагаева, и даже вернуть ему изъятую в лесопарке старинную металлическую пластинку, на которой был изображен иностранного вида мужчина

с пышными усами. Нагаев вышел на волю и мгновенно исчез из поля зрения полиции. Полгода было тихо, а затем жуткие убийства вновь всколыхнули тихий городок.

Но сегодня осечки быть не должно. Он лично пригласил телевизионщиков – пусть снимают, как господин Паралич достает шприц, как заносит руку для смертельной инъекции. И когда шприц с отравой и отпечатками будет в руках полиции, поглядим, что запоет адвокат... Додумать эту мысль он не успел.

– Капитан, смотрите, там девчонка какая-то идет. Вон, по той тропинке. Сорвет она нам операцию... – тихо сказал один из сидящих в засаде. – Может, завернуть ее, пусть уходит из парка?

Липовая алея была уже погружена в полумрак, но капитан Скороходов присмотрелся и тихо выругался сквозь зубы. Словно сливаясь с последними солнечными лучами, по алею быстро шла невысокая девочка в зеленом шелковом платице, этакая Барби, с мелкозавитыми блондинистыми кудряшками. Барби легкомысленно болтала темно-зеленой сумочкой на длинном ремешке и, казалось, даже не подозревала, что по вечернему городу ныне ходить опасно. Конечно, ее стоило бы вывести из парка под охраной, но если оперативники выйдут из укрытия, не спугнут ли они притаившегося где-то маньяка? А он точно был где-то рядом. Скороходов почувствовал в груди знакомый холодок – адреналин зашкаливал, как всегда, когда опасность была близка.

– Ладно, пусть идет. – скомандовал он. – Может, наш урод на нее клюнет, а не на Анфису. Анфиса баба сильная, сразу видно, а эта малолетка хрупкая, с ней любой слабак справится. Будем ловить сразу на двух живцов.

Тем временем блондиночка вышла на ту аллею, где прогуливалась спортивная Анфиса, и направилась прямо к ней.

– Девушка, вы давно гуляете? Тут пуделек не пробежал? – робко спросила Барби, трогательно задирая голову.

– Не было тут никакого пуделька. – недовольно ответила Анфиса. Появление блондинки грозило срывом операции, и оперативница начала нервничать. Блондинка подошла вплотную и доверчиво коснулась ее нервно сжатой руки:

– Давайте вместе его поищем, а то уже темнеет, мне страшно одной.

– Я человека жду! – грубо ответила Анфиса и демонстративно отвернулась от пристававшей.

Блондинка открыла сумочку, быстро достала что-то, зажала в кулаке и снова дотронулась до руки Анфисы. Та легонько дернулась, с изумлением обернулась и вдруг стала оседать на землю. Раскрыв рот, забыв про оружие и телекамеры, оперативники и телевизионщики смотрели, как высокая девица бессильно распласталась у ног маленькой блондинки, как Барби садится на корточки, поправляет слегка задравшееся шелковое платице, а затем аккуратно обвивает вокруг анфисиной шеи длинный ремешок синей сумочки, затягивает в петлю и с силой тянет за концы ремешка.

И лишь когда Анфиса, натужно захрипев, в последний раз дернулась и замерла, капитан Скороходов с криком выскочил на аллею. Следом бросились опера, на ходу доставая пистолеты, и тележурналисты с камерами наперевес. В два прыжка домчавшись до блондинки, Скороходов заломил ей руки за спину и попытался надеть наручники. Не тут-то было! Девчонка извивалась в его руках, выскальзывала, била его острыми каблучками по ногам и каким-то странным, хриплым голосом непрерывно ругалась. Такого мата капитан не слышал даже от матерых рецидивистов...

Глава 2

Алена с восторгом разглядывала аккуратно пробитую мишень. Надо же, из десяти выстрелов – ни одного «в молоко»! Нарисованное на бумажной мишени зловещее лицо в черных очках было похоже на решето. Умеет же Миша стрелять!

– Твоя очередь. – подошел к ней слева, критически окинул взглядом и сказал: – Так, ноги чуть шире, руки выше... Давай!

Алена стреляла неплохо, но из десяти пуль в лицо мишени попало лишь шесть. Остальные поразили шею и грудь нарисованного бедолаги. Девушка опустила пистолета и грустно поглядела на спутника. Тот чуть заметно покачал головой и сказал:

– Ну что же, неплохо. Надо тренироваться больше. А теперь – в бар? Или... – он замаялся, но потом решительно договорил: – Или ко мне?

Алена в смущении отвела глаза. Ей очень хотелось согласиться. Глава охранной фирмы Михаил Чарновил был ее идеалом мужчины – статный, спортивный, отчаянно храбрый. Даже его нелепые ухаживания приводили ее в щенячий восторг. Это ж надо – приглашать девушку то на пейнтбол, то в тир, то на бои без правил в качестве участницы, то на экстремальные гонки... Хорошо еще, хоть там в качестве зрительницы. Впрочем, кандидат в мастера спорта по тяжелой атлетике Алена Румянцева, соглашаясь работать телохранителем у знаменитостей, и не рассчитывала на отношение к себе, как к нежному цветочку.

Высокая, широкоплечая Алена, кандидат в мастера спорта по тяжелой атлетике, принципиально не носила юбок и туфель на каблучке, почти не красилась, и даже длинные русые волосы безжалостно завязывала в обычный конский хвост. Пожалуй, ее нельзя было назвать симпатичной, но дерзкий взгляд и спортивная фигура спортсменки привлекала мужчин, хоть и не вызывала в них романтических чувств. Что ж тут удивительного, что и шефу не приходило в голову отвести ее, к примеру, на балет? Зато он лично обучал ее приемам дзю-до и рукопашного боя, и это нравилось ей куда больше стандартных походов в кино и в рестораны.

Словом, она давно бы ответила на его чувство, но... Михаил был старше ее более чем в два раза! Алене исполнилось 24 года, а шефу оставалось два года до 60-летнего юбилея. И эта разница смущала девушку, не давая расслабиться. Она с трудом перешла «на ты», и лишь недавно стала называть шефа не Михаилом Осиповичем, а просто Мишей. И до сих пор частенько оговаривалась.

Шеф правильно расценил ее молчание. Глубоко вздохнул и как ни в чем не бывало предложил:

– А давай махнем на природу? В Битцевский лесопарк, к примеру? Там в понедельник народу мало, постреляем из моего табельного.

На лесопарк Алена согласилась без колебаний. Они вышли из тира и бордо отправились к машине Чарновила, как вдруг мобильный Алены ожил:

– Аленушка, беда! – звонкий голос знаменитой еще с советских времен певицы Зульфии Ротангу дрожал и срывался. – Срочно приезжай, только одна! В мой особняк, прямо сейчас, немедленно! И никому, слышишь, никому не говори о моем звонке!

Алена переглянулась с Михаилом, и они, не сговариваясь, перешли на бег. Через пару секунд машина сорвалась с места и, нарушая все правила, совершила запрещенный левый поворот и понеслась к загородному дому певицы.

Через полчаса они подъехали к стоящему в самом начале элитного поселка особняку. Охранник без единого вопроса поднял шлагбаум, и стало ясно, что никаких тревожных сигналов на пост не поступало. Значит, певица сразу вызвала личного телохранителя, не обращаясь к помощи местной охраны.

Подъехав к бело-розовому двухэтажному особняку, похожему на кремовый торт с башенками, машина притормозила. Автоматические створки кованых ворот плавно разъехались в стороны, и Чарновил подъехал почти к самому дому. Они с Аленой одновременно вышли из машины, но Михаил быстро пошел к дому, а Алена буквально застыла на месте.

Она сама не понимала, почему ей стало так страшно. Одурманивающее пах жасмин за воротами, последние лучи солнца ласково касались ее волос, но... На секунду ей показалось, что горячий летний воздух утратил свой аромат, стал вязким, как сироп, сгустился в полупрозрачное марево и застыл, обжигая, словно она попала в огромную печь. И она, словно обгоревшая мушка, не может даже пошевелиться... Но Михаил уже вошел в особняк, оставив дверь приоткрытой, и Алена, усилием воли стряхнув странное оцепенение, бросилась за ним.

Далеко бежать им не пришлось. Зульфия, сжавшись в комочек в плетеном кресле, сидела у самого входа в огромный каменный вестибюль и тихонько всхлипывала.

В этой скрюченной в кресле фигурке Алена с трудом узнала прославленную певицу. Она привыкла к надменной, суровой бабенке, которая, будучи ниже Алены на голову, умудрялась смотреть на нее сверху вниз. Певицу настолько закалили годы, проведенные на сцене, что теперь из нее вполне можно было делать гвозди, крепче которых не нашлось бы в мире. Но теперь эта железная женщина была не просто надломлена – она была словно растерта в порошок. Услышав гулко стучащие по мраморному полу шаги, она подняла голову и расширившись от ужаса глазами поглядела на нависшего надо ней высоченного мужика. Сильно осунувшееся лицо певицы с глубоко запавшими глазами и размазанными по щекам лиловыми тенями напомнило Алене старый фильм про зомби, только-только выкопавшегося из могилы. Зульфия перевела взгляд на девушку и тихонько проскулила:

– Я ведь просила тебя приехать одну! Ну почему ты его привезла?

Алена растерялась, а Михаил вежливо, но твердо сказал:

– Извините, но я шеф охранного агентства. Алена – моя сотрудница, но принимаю решения все равно я.

– Решения? – истерически взвизгнула вдруг Зульфия. – Вы можете принять решение и избавиться меня от трупа?

Алена на всякий случай сделала шаг назад и тревожно посмотрела на Михаила. Тот остался невозмутимым.

– Не уверен, что это хорошая идея. Может, лучше вызвать врача?

– Нет! – Зульфия дернулась, как от удара током. – Не надо врача. Она мертва... мертва. Она просто не может быть жива!

– Понятно. – все так же невозмутимо продолжил Михаил. – И кто она?

– Ната... – донеслось сквозь рыдания. Михаил вопросительно взглянул на Алену, и та пояснила:

– Наверное, Наталья, девочка из подтанцовки.

– Она жила здесь? – деловито уточнил Чарновил, обращаясь в пространство между Аленой и Зульфией.

– Нет, в общежитии. – ответила Алена. – Она из Нижнего Тагила, и жила вместе с остальными иногородними девчонками.

Алена машинально отвечала на вопросы, а сама лихорадочно обдумывала ситуацию. Положение складывалось патовое. Похоже, певица зачем-то убила танцовщицу, и теперь предлагает им стать соучастниками. Конечно, самым разумным решением было бы позвонить в полицию, но... Весть о том, что охранное агентство «Аргус» сдает своих клиентов, разнесется по Москве в считанные дни. И все VIP-персоны тут же откажутся от их услуг. Как хорошо, что Михаил поехал с ней! Он начальник, ему и принимать трудное решение.

Черновил тоже выглядел слегка растерянным. Тем не менее, он спросил уверенным тоном:

– Зульфия, вы в доме одна?

– Да-да, совсем одна. – с готовностью закивала она. Алене показалось, что она с облегчением перевела дыхание.

– Нам надо посмотреть на тело. Где оно?

– Т-там. – Она мотнула головой в сторону крутой деревянной лестницы, ведущей на второй этаж. Затем рыдания усилились, и стало ясно, что провожать их к трупу певица не собирается.

Михаил с Аленой, чуть поколебавшись, поднялись на второй этаж, огибающий лестницу, и оглядели узкий коридор с множеством закрытых дверей. Лишь одна была приоткрыта. Черновил первым подошел к ней, и, не касаясь створки, осторожно заглянул внутрь. Через пару секунд он отошел от двери и со странным выражением посмотрел на Алену.

– Точно труп? – спросила она.

– Еще какой... – Черновил напряженно думал о чем-то. – Алена, твоя певица буйнопомешанная. Ты у нее больше работать не будешь. И вывозить ЭТО мы тоже не станем. Весь вопрос вот в чем – звонить ли нам в полицию, или просто уехать?

– А что там? – оторопела Алена.

– Нервы крепкие? – она быстро закивала, и Михаил разрешил: – Тогда быстро загляни, только не притрагивайся ни к чему.

Она подошла поближе и заглянула в комнату. Пары минут хватило, чтобы понять – им в самом деле пора уезжать. Кровью было залито буквально все – паркетный пол, кремовый диванчик, подоконник, казалось, даже светлые обои покрыты кровавыми разводами. Девичье тело, распростертое на полу возле окна, было не просто изрезано – оно было располосовано, разрезано на ремни острым скальпелем. Сам инструмент валялся ближе к двери, в небольшом озерце свернувшейся крови. Пол, подоконник, даже стекло было словно измазано, изрисовано бурыми разводами. А за стеклом медленно кружились невесомые белые лепестки жасмина.

Алену слегка затошнило, но она взяла себя в руки и повернулась к шефу:

– Думаю, надо звонить в полицию. Если это сделала она, ее нельзя оставлять на свободе. Если кто-то другой, тем более опасно оставлять ее одну.

Остаток дня запомнился Алене, как плохая постановка в театре абсурда. Опербригада, «Скорая» и адвокат приехали одновременно. Пока певице делали укол успокоительного, эксперты орудовали на втором этаже, а потом сразу же начался интенсивный допрос. Полумертвая от стресса и лекарств, певица с трудом понимала вопросы, но сыщики не унимались, несмотря на протесты адвоката. Параллельно велись допросы соседей и охранника поселка. А через пару часов в особняк приехал молодой высокий брюнет с накачанным торсом и капризным лицом избалованного школьника. Оперативники вцепились в него, как клещи, но ничего ценного не узнали.

Картина вырисовывалась удручающая. Постоянной прислуги в доме Ротангу не было – большую часть времени певица проводила на гастролях, и вполне обходилась приходящей домработницей. Вместе с ней в особняке жил лишь юный любовник, 23-летний Артур Камышев. Певица подобрала мальчика пару лет назад во время гастролей где-то в Тьмутаракани, и с тех пор держала при себе, как комнатную собачку.

В воскресенье у Зульфии Ротангу был концерт, затем банкет со спонсорами, и домой она вернулась только под утро. Как всегда в таких случаях, приняла сильное снотворное и отправилась спать в отдельную спальню, велев Артуру не беспокоить ее до следующего вечера. Парень спал до полудня, затем, по его словам, решил поехать в кино на очередной ужастик про инопланетян. То, что он выехал на своем «Бентли» из поселка в 12.45, подтвердил охранник. А юноша показал операм билет в кино с оторванным контролем, и бодро рассказал содержание фильма.

В 13.20 к посту охраны подъехало такси, из которого вышла девушка из танцевальной группы «Рябинка» Наталья Турчина. Охранник знал всю подтанцовку в лицо, поэтому спокойно пропустил танцовщицу в поселок. Таски сразу уехало, и девушка бодро поцокала каблучками по мощеной дороге.

Певица, по ее словам, мирно спала, когда танцовщица вошла в особняк. Была ли заперта входная дверь, точно выяснить не удалось. Артуру казалось, что он поворачивал в двери ключ, но присягнуть в этом он бы не мог. С очаровательной мальчишеской улыбкой он сказал, что частенько забывал запереть за собой дверь: «Тут такая охрана, что чужой все равно не пройдет».

Отпечатки пальцев со скальпеля оказались стерты, пол у порога комнаты был аккуратно протерт мокрой тряпкой, которую нашли во дворе у самого забора. Адвокат с пеной у рта отстаивал версию, что танцовщицу какой-то враг обманом заманил в особняк, прокрался следом и разделался с ней в чужом доме. А может, это был враг певицы, желавший засадить ее в тюрьму или психушку. Оперативники с недоверием качали головами, куда-то непрерывно звонили, и в конце концов Зульфию Ротангу оставили в особняке под домашним арестом.

Лишь поздним вечером совершенно измученная Алена вышла из особняка и, опираясь на руку Михаила, поплелась к машине. Аромат жасмина к вечеру усилился, но почему-то казался едким, удушающим, лишал последних сил. Весь дворик был покрыт белыми лепестками, словно снегом, и эта нереальная белизна резала глаза, вызывая в памяти багровые полосы там, наверху...

Михаил тоже выглядел совершенно выпотрошенным и постаревшим, но держался молодец. Бережно загрузив Алену в машину, он снова предложил поехать к нему, выпить рюмочку ликера для снятия стресса. И Алена согласилась.

Для нее этот визит стал ужаснейшим завершением и без того жуткого дня.

В двухкомнатной квартире, куда она так мечтала попасть, ей удалось наконец немного расслабиться. Михаил усадил ее в глубокое мягкое кресло, и захлопотал вокруг, словно курица-наседка. Алена даже не ожидала, что этот суровый мужчина способен, ласково поглаживая ее по голове, принести ей бутербродики с сыром и выкормить из рук. Она ела мягкий сыр, не чувствуя вкуса, словно песочный куличики, и балдела от чувства полной защищенности. Так хорошо ей было лишь в детстве, когда мама приносила больной дочке чай с малиной, ласково обнимала ее и поила из чашки, а затем вновь укутывала теплым одеялом. Мама далеко, она даже не знает, какие испытания выпали ее дочери за последние годы. Но теперь с ней Михаил, теперь-то все будет хорошо...

Они выпили целую бутылку вкуснейшего клубничного ликера, который не снял стресс, но вызвал легкое головокружение. Затем Михаил нежно обнял девушку, поднял ее, на руках отнес в спальню, сам раздел и начал целовать шею. Алена закрыла глаза и постаралась расслабиться. Ласки становились все более жаркими, она невольно стала отвечать на них, мимолетно подумав, что ни с кем еще ей не было так хорошо. Она застонала от удовольствия, почувствовав на себе его горячее сильное тело, но в ответ внезапно раздалось натужное хрипение. От изумления Алена открыла глаза и с ужасом увидела, что лицо любовника побелело и перекошилось в судороге, глаза буквально вылезают из орбит, а губы приобрели мертвенно-лиловый оттенок.

Глава 3

Сержанты Федор Максимов и Иван Черных встретились возле отделения полиции. После вчерашнего удачного задержания им дали отгул, но куда пойдешь в будний день в небольшом Новореченске? В новых районах – одни панельные высотки, а в центре города рядом с красными кирпичными пятиэтажками доживали свой век ветхие деревянные дома. Они были сказочно красивы – с резными наличниками, невысокими порогами и яркими заборчиками, но увы – фундамент у большинства давно прогнил. Цент города издавна считался гнилым местом – то ли тут были подземные водяные жилы, то ли болота...

Поговаривали, что вот-вот новый мэр прикажет снести гнилые домишки и построить на их месте новые многоэтажки. Горожане не возражали, хотя предпочли бы строительство хоть каких-то центров культурного отдыха. Но пока из всех развлечений в городе были лишь два крупных супермаркета и несколько залов с видеоиграми в спальных районах.

Оперативники по привычке пошли в родное отделение. Оттуда их твердо, но решительно отправили отдыхать, и теперь они медленно шли по улице, раздумывая, где бы приземлиться. Светило яркое июньское солнце, цвел жасмин, осыпая улицу белоснежными лепестками, но на душе у обоих было на редкость сумрачно, не хотелось даже разговаривать. Перед глазами обоих парней все всплывали картинки вчерашнего вечера: кукольная красotka в салатовом платице, хладнокровно стягивающая ремень на чужой шее...

– О, смотри, – вдруг оживился Федор, показывая пальцем на красный кирпичный дом, фасад которого украшала лиловая вывеска: «Бар «Лунный камень». – Давай по пивку накатим. Может, попустит немного...

Свой район они знали отлично, но, как ни странно, в этом баре еще не были. Наверное, он открылся совсем недавно. Спустившись по ступенькам, они зашли в мрачный погреб со стенами из красного кирпича, казалось, сохранившегося со времен Ивана Грозного. Хотя, возможно, это была просто хорошая имитация. Большой плазменный телевизор на стене со старинной кладкой смотрелся так же неуместно, как «Феррари» на ипподроме, зато немного освещал погреб вспышками клипов МузТВ. Кроме того, свет падал от двух серебристых светильников в форме полумесяца, украшающих барную стойку.

– Темно, как у негра в ж*пе. – зло пробурчал Федор. – Неудивительно, что народу ни фига нет.

Возможно, в вечернее время бар пользовался успехом, но сейчас там было не более десятка посетителей. Длинные деревянные столы пустовали, телевизор ехидно мигал, меня на широком экране картинки вихляющих задами полуголых мужиков. Оперативники заняли столик неподалеку от барной стойки, заказали пять бутылок пива и жаренные сосиски с пюре. Пиво принесли сразу, и его стали пить, не дожидаясь закуски.

Они выпили три бутылки, когда Иван начал оглядывать бар. Он уже некоторое время чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, но не придавал этому значения. В родном районе шага не ступишь, не наткнувшись на бывшего одноклассника, соседа по подъезду или просто знакомого. Но за низкими столами темного погреба виднелись лишь опухшие мужские физиономии, которые он видел впервые. Внезапно ему стало жарко. Возле барной стойки сидела стройная девушка в обтягивающих джинсах и в коротком топике, открывающем пупок. Чуть подавшись вперед, она глядела прямо на него. Встретившись с ним взглядом, девушка не отвела глаз, а как-то криво усмехнулась и подняла к лицу кофейную чашку. Разглядеть лица в полутьме он толком не мог, но готов был поклясться, что они незнакомы.

– Федь, как-то девчонка на нас нехорошо смотрит, вон та, что сидит за барной стойкой. – почему-то его бросило в дрожь. – Федя, что она одна делает в баре? Подойдем?

– Ну ты, блин, даешь! – не оборачиваясь, Федор нервно сплюнул на пол. – Нашел время на девок глазеть! Да я как вспомню вчерашнее задержание... Она у меня до сих пор перед глазами стоит – одуванчик беленький, кудрявенький, незабудочка нежная... Как она нас крыла! Я такого от матерых мужиков не слышал.

Он сокрушенно покачал головой. Рывком подвинул к себе кружку, отхлебнул еще пива и, пошатываясь, встал:

– Пойду отолю. Не приставай пока к бабам. – и вразвалочку потопал в узенький коридорчик.

Иван снова повернулся к девице. Поймав его взгляд, она встала и быстро подошла к нему. Вблизи незнакомка оказалась настоящей красоткой, с тонкой талией и большими светлыми глазами, но почему-то опер почувствовал в груди неприятный холодок.

– Что, красавчик, познакомиться хочешь? – тихо сказала девчонка, наклоняясь почти к его уху.

Так девушка проститутка, ночная фея, с облегчением подумал Иван. Она вовсе не замышляет зла, просто снимает в баре клиентов. Но ему сейчас не до секса. Он собирался мягко отказать девочке, но она как-то ловко протиснулась между столиком и его стулом, и оказалась прямо у него на коленях. Он растерялся, слегка отклонился от ее бюста, уткнувшегося прямо ему в лицо, и решил подождать Федора. Вдвоем они объяснят шлюшке, что ее услуги им пока не нужны.

Но девушка не стала ждать объяснений. Она тихонько засмеялась, словно зазвенел надтреснутый колокольчик, выскользнула из-за стола и пошла к выходу, слегка покачивая упругой попкой. Иван смотрел ей вслед, слегка досадуя на свою нерешительность. И чего отказался от знакомства? Может, девочка и не шлюха, просто он так ей понравился, что тормоза отказали... Вернулся Федор и тут же спросил:

– Ты чего такой красный, пива перепил?

– Да тут девчонка ко мне приставала. Та самая, что глазами сверлила. На колени мне садилась.

– Да ты что? – заржал Федор. – И где же она? Ты ее коленом под зад, что ли?

– Да я и рта открыть не успел, как она вскочила и убежала. – слегка покривил душой Иван.

– Быстрее надо рот раззевать. – веселился напарник. – Так все бабы от тебя разбегутся.

Он схватил свою кружку и опрокинул в рот остатки пива.

– Ты всегда тормозишь. – насмешливо брякнул он, стукнув пустой кружкой о стол. – Вон, кружка почти полная стоит. Что за мужик, етить твою...

Еще более покраснев, Иван взял кружку и торопливо начал пить. Пиво показалось ему ужасно горьким, горло начало саднить, но, опасаясь новых насмешек, он, не отрываясь, допил его до конца. Поставил кружку на стол и тихо спросил, чувствуя странное жжение внутри:

– А все же, чего девочка от меня хотела?

– А ты не знаешь? – Федору ситуация казалась ужасно смешной. – Ну, тебе надо экскурсию в наш массажный салон организовать. Там девочки тебе все расскажут, и даже покажут. С примерами. Эй, ты что? С тобой все в порядке? Ваня, скажи что-нибудь... Ваня!!!

Но ничего уже не было в порядке. Ивану казалось, что его живот изнутри грызет огромная крыса. Впившись железными зубами в кишки, она рвет их на части, и они трескаются, распадаются, оставляя кровавые ошметки. Согнувшись, он раскачивался на стуле и сдавливал руками живот, пытаясь раздавить ужасную крысу, хоть на миг избавиться от боли. Но боль терзала все сильнее, поднималась все выше, и сил не оставалось даже на просьбы о помощи. Он мог только выть и давить руками на живот, надеясь на облегчение.

– Эй, кто-нибудь! Врача! Воды! – бесновался рядом Федор, в ужасе глядя на красную пену, пузырящуюся на губах товарища. Иван свалился на пол, все так же корчась от боли, и как сквозь туман слышал голоса:

– «Скорую» зовите, уроды!.. У него эпилепсия, что ли?... Сам ты эпилептик! Он траванулся чем-то в вашего поганом баре! Врача надо!.. Да едет врач... Свет включите, где у вас свет?... Нету света, надо его на воздух вынести. Айда, ребята, осторожненько берите, и понесли!

Ивана подхватили под руки и куда-то поволокли. Он из последних сил отбивался – при переноске боль усилилась до невозможности, и теперь крыса рвала не только живот, и грудь и горло. Но его все же выволокли из погреба и осторожно положили на асфальт у входа. Он сжался в комочек и зажмурил заболевшие от солнечного света глаза. Вокруг тут же собралась толпа, давая бесполезные советы. А он мечтал только об одном – чтобы жуткая боль утихла хоть на мгновение.

И вдруг чудо произошло. Крыса словно разжала острые челюсти, и боль резко отступила. Он осторожно разлепил опухшие веки и приподнял голову. И сразу же увидел ее – ту девчонку, которая садилась к нему на колени. Она стояла в первых рядах толпы и даже слегка наклонилась вперед, с жадным любопытством смотря на его окровавленные губы. Из последних сил он пытался показать на нее рукой и что-то произнести, но внутри что-то треснуло, и из горла хлынула кровь – сначала тоненькой струйкой, потом мощным потоком. Через пару минут все было кончено. Последнее, что он слышал – или ему показалось, что слышал – перед тем, как окончательно провалиться в черноту, был тихий, словно надтреснутый, девичий смех.

Глава 4

Полтора века назад, 1876 год...

Молодой доктор Нейл Крим был серьезно взволнован. Ох, зря он после шлюх из портовых кабаков связался с приличной девицей! Прежние его девки, пусть с грубыми, прокуренными голосами, и помятыми лицами, могли позаботиться о себе сами. А Флора, дочка богатого промышленника господина Брукса, забеременела после первого же акта любви! И посмела предъявить претензии к нему – мол, извольте теперь жениться!

Женитьба вовсе не входила в планы Нейла. Он только что закончил Монреальский университет, получил диплом, и собирался погулять еще на свободе. И вот на тебе! Все они хороши, эти девицы. Нет никакой разницы между шлюхой и порядочной девушкой, просто последние вполне способны искалечить его судьбу. Нет, он еще поборется себя! Поглядим, кто будет смеяться последним.

На следующем свидании он поставил Флоре ультиматум: свадьба только после аборта. Или, в противном случае, он завтра же уезжает из города, а она сама будет объяснять родителям, что произошло. Перепуганная девушка согласилась. Объяснение с разгневанным отцом казалось глупышке самым страшным, что может с ней произойти. О, как же она ошибалась!

Аборт недоучившийся медик взялся делать сам. Разумеется, у него не было обезболивающих лекарств, не было медицинских инструментов. Обычная вязальная спица, да огромная злость на девушку, которая предъявила права на его свободу. Он посадил раздетую Флору на стул, на всякий случай привязал ее к спинке полотенцем, воткнул в нее спицу...

Но когда девушка истошно заорала, извиваясь на стуле и пытаясь вырваться, освободиться от пут, от внезапно почувствовал сильнейшее сексуальное возбуждение. Бросив спицу прямо на пол, он тут же удовлетворил желание, поднял спицу и продолжил операцию. Кровь залила обнаженные ноги Флоры, потекла по полу, пачкая его начищенные ботинки. Девушка уже сорвала голос, и теперь лишь надрывно скулила. Наконец, она потеряла сознание.

Решив, что дело сделано, Нейл отвязал полотенце, осторожно перенес тело в другую комнату и позвонил врачу:

– У моей подруги выкидыш. Срочно приходите!

* * *

– Да пойми, для меня это вопрос жизни и смерти. – горячилась Алена. – Я его люблю, я не хочу его потерять!

– Ну так выходи замуж, и не валяй дурака. – лимит моего терпения истекал. – Если ты его любишь, какое тебе дело до его возраста?

– Но я не могу жить с развалиной. – она чуть не плакала. – Ты пойми, он же тогда чуть не умер на мне. Как я испугалась... Когда за мной бандиты гонялись, мне не так страшно было. Представляешь, я уже кайфовала, когда он захрипел. Я открыла глаза... У него лицо такое страшное было, вздутое, понимаешь? И губы... черные почти. Я думала, он умер...

Она зарыдала. Я молча погладила ее по голове. Наверное, я тоже была бы в шоке, если бы во время секса мой любовник получил сердечный приступ. Но в 58 лет всякое случается. Особенно, когда день выдался слишком напряженным, а подруга молода и энергична, как Алена.

– Вероника, я готова на все. – Алена внезапно перестала плакать. Теперь ее глаза горели каким-то фанатичным огнем. – Я верю девчонкам, они дали точный адрес. Я проверила – там правда клиника, вернее, современный медцентр. Мы поедем в Новореченск за этим эликси-

ром. Михаил согласен, говорит, что за деньгами не постоит. Вроде, там еще какие-то дополнительные условия будут, ну и пусть. Я на все согласна.

– Алена, пойми, это невозможно. – монотонно повторяла я. – Никому еще не удалось создать эликсир бессмертия. Те, кто его обещает – обыкновенные мошенники.

– Да ты же сама работала над этим эликсиром! – злилась подруга. – Ты сама говорила, что вот-вот он будет готов!

– Говорила. – устало согласилась я, чувствуя себя сломанной шарманкой. – Но его не будет. Эту тему в нашем институте уже закрыли.

– Но ведь теоретически его создать легко? Ведь легко, верно?

– Теоретически да, а практически – невозможно.

– Это для тебя невозможно! – пошла вразнос подруга. – Его давно уже создали! Ты видела Зульфию Ротангу? Она выглядит максимум лет на тридцать, хотя разменяла седьмой десяток!

– Ты слышала что-нибудь про пластическую хирургию? – слова Алены задели меня за живое, и теперь я усиленно боролась с обидой. – Я не очень тебя огорчу, если сообщу, что все наши певицы и многие певцы после 30-ти обращаются к хирургу?

– Да делала она пластику, кто бы спорил. – Алена отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. – Много раз делала. И выглядела точно так же, как и остальные дивы после операции – морда страшная, рот растянут до ушей, щеки обтягивают череп. Только губы надутые вперед торчат. Девочки из подтанцовки уверяют, что на нее без грима страшно было смотреть – она и на человека-то была не похожа. А теперь у Зульфии реально молодое лицо, такого после 40 лет не бывает. Не забывай, я же ее не только на сцене вижу. Сколько раз помогала ей дома грим смывать!

Я промолчала. Спор с разъяренной Аленой не имел смысла. Если уж она решила, что эликсир молодости существует, переубедить ее было невозможно.

Честно говоря, даже упоминание про эликсир действовало на меня угнетающе.

Я генетик, кандидат в доктора наук, и для своих 39 лет достигла немало. У меня любящий муж и двое сыновей-школьников, и со стороны моя жизнь похожа на сказку. И только я знаю, что начиналась эта сказка страшно, как романы Стивена Кинга.

Начинала научную карьеру я в лаборатории профессора, занимавшегося влиянием высоких температур на раковые клетки. Было установлено, что при температуре выше сорока двух градусов они гибнут. Проблема состояла в том, что при этой же температуре гибли и все остальные клетки живого организма. Нужно было найти зазор буквально в сотую долю градуса, при котором здоровые клетки бы выживали, а измененные – нет. Искать этот зазор поручили мне.

Исследование тянуло на полноценную докторскую диссертацию, и я проводила в лаборатории дня и ночи. В конце концов, нужная температура была найдена, я лично провела не меньше сотни экспериментов, в ходе которых убедительно доказала, что при нагревании в термальной ванне погибнут только пораженные клетки. Потом провела три десятка опытов на лабораторных мышах. И в конце концов, было решено провести эксперимент на реальном больном. Четвертая стадия опухоли прямой кишки, метастазы – шансов выжить у него не было. Он подписал все нужные бумаги, снимая с меня ответственность, и мы приступили.

В присутствии десятка экспертов несчастному больному ввели наркоз и погрузили в термальную ванну. Включили термостат, и через несколько минут из ванны пошел густой пар. Я вскочила, что-то выкрикивая, но было уже поздно. Этого просто не могло произойти, но... Он сварился в этой ванне.

Я с тяжелейшим нервным срывом попала в больницу, затем меня отправили в крымский санаторий, лечить нервы, сгоревшие в тот страшный день. Правда, вскоре выяснилось, что виноват неисправный термостат, тем не менее, в институте срочно подписали приказ о сокращении моей ставки. А мой жених, которого я любила больше жизни, и который стажировался в той же лаборатории, отказался от опальной невесты.

Он написал мне в санаторий письмо, где подробно расписал охватившее его негодование, когда он узнал о моем кошмарном поступке. Еще бы – сварить живого человека, такого себе не позволяла даже средневековая инквизиция. Разумеется, чувствительная натура моего возлюбленного не может вынести никакого общения с такой садисткой, как я. Поэтому он убедительно просит не звонить ему и не присылать смс-ки, а то даже от воспоминаний обо мне у него поднимается давление и трясутся руки. Расправившись таким образом со мной, он женился на дочери профессора, под руководством которого я сварила больного.

Так бы и закончилась моя научная карьера, а возможно, и сама жизнь, если б не влюбленный в меня школьный хулиган Ромка Нежданов. Узнав обо всем, он побеседовал с профессором тет-а-тет не на кафедре, а в полутемном подъезде профессорского дома. Легенда гласит, что беседа проходила при свидетелях. То есть профессор-то был один, зато с Ромкой пришло двое его дружков. Результат переговоров впечатлял: приказ о моем сокращении был уничтожен, и меня просто перевели на другую кафедру.

Из благодарности – да и возраст подошел – я вышла за Ромку замуж. С тех пор прошло много лет. Рома неоднократно доказал мне свою любовь. Я знаю, что за ним, как за каменной стеной, можно расслабиться и смело глядеть жизни в глаза. Кажется, я даже полюбила его сама. Но это не та горячая, самозабвенная любовь, которая была безжалостно растоптана в юности.

Время шло, я без особого успеха изучала вопросы наследственности, а несколько лет назад переключилась на более насущный вопрос – продление жизни. Оно было темой моей докторской диссертации, которую я так и не защитила.

Дело в том, что длину жизни человека определяют телемеры – «хвосты» молекул ДНК, которые укорачиваются в течение жизни организма. Длина этих «хвостов» и определяет возраст организма. Каждый день телемеры укорачиваются на пару микронов. Когда укорачиваться больше нечему, человек умирает от старости. Казалось бы, если изобрести препарат, который не даст телемерам сбрасывать хвосты, человек будет жить вечно и даже не стареть. Но на практике выяснилось – если запретить телемерам укорачиваться, то клетки начинают перерождаться, и организм съедает опухоль.

Но если просто удлинить «хвосты»? То есть, человеку, отпраздновавшему полувековой юбилей, осталось жить еще лет 20. К концу его жизни длина телемеров уменьшится практически до нуля. А если создать эликсир, который приделает добавочный «хвост» на 50 лишних лет? Что произойдет? По идее, организм должен сбросить лишние годы. А затем пусть телемеры укорачиваются дальше. Когда опять станут короткими, волшебный эликсир можно будет ввести еще раз.

Теоретически все выглядело отлично, только вот телемеры никак не хотели удлиняться! Я подбиралась к ним с разных сторон, но результата не было. В конце концов, мою тему прикрыли, а меня переключили на исследование феромонов – особых летучих веществ, отвечающих за сексуальную привлекательность.

Правда, и тут особых успехов пока не было. Феромоны удалось легко синтезировать, но толку от них не было никакого. Вытяжки на их основе не делали наших подопытных привлекательнее. В отчаянии я провела эксперимент на себе – намазалась мазью с высоким содержанием феромонов и в сопровождении мужа пошла гулять по вечерней Москве. По идее, все встречаемые мужчины должны были останавливаться и долго глядеть мне вслед. Но увы... Мне показалось даже, что проходя мимо, представители мужского пола ускоряли шаги, чтобы побыстрее оказаться подальше от меня. Я успокаивала себя тем, что они просто пугаются выглядевшего форменным бандюганом Ромки, но факт оставался фактом – привлекательнее для противоположного пола я не стала.

– Вероника, а тебе самой не хочется сбросить годы? – неожиданно вкрадчиво спросила Алена.

Я вздрогнула. Уже несколько лет я с тоской глядела на себя в зеркало, выискивая среди светлых прядей седые волоски. Еще пару лет, и седину придется старательно закрашивать. Я никогда не пользовалась женским обаянием в корыстных целях, и хочется верить, что кандидатскую защитила благодаря преданности науке. Но как приятно было ходить по коридорам нашего института, где женщины были редким зверем, и ловить на себе заинтересованные взгляды всех без исключения ученых мужей! Я чувствовала себя хрупкой блондинкой, красивой и желанной, и забывала про неудачи в очередных исследованиях.

Но за последний год все реже останавливались на мне заинтересованные взгляды посторонних мужчин... Конечно, рядом был преданный Ромка, и я верила, что для него всегда буду двадцатилетней. А если он меня разлюбит? Что я тогда буду делать, ведь наука во взаимности мне уже отказала?

– Поехали вместе! – внезапно взмолилась Алена. – Ты же генетик, ты поймешь, что за эликсир там предлагают.

Но я решительно покачала головой. Зачем мне ехать? Свое мнение я уже высказала – нет и не может быть средства, продлевающего жизнь. То есть в перспективе, вероятно, наука его откроет, вот только доживу ли я до этого светлого мига?

Но подруга мне не верит. Она влюблена в своего престарелого шефа, а девочки из подтанцовки Зульфии Ротангу сказали ей, что возраст – не проблема. Как пример привели певицу, которая своим изумительно молодым видом обязана волшебному эликсиру из Новореченска. И теперь Алена уверена – стоит приехать туда с деньгами, уговорить тамошних медиков – и возлюбленный станет ее ровесником. Ну, или немного старше. Что изменится, если я приеду к шарлатанам из Новореченска, погляжу на их эликсир и еще раз скажу, что это обман? Они обидятся, откажутся помочь Алене и вколоть ее престарелому Ромео эликсир, и она до конца своей жизни не простит мне этого.

– Хорошо. – подруга немного успокоилась. – Тогда поехали сегодня в ее особняк. Как раз моя очередь у нее дежурить. Посмотрим на нее вблизи, и ты мне сама скажешь, как медик – делала ли она операцию или просто помолодела.

Глава 5

Я настолько погрузилась в свои мысли, что очнулась лишь тогда, когда кованые ворота поползли в стороны. Мои раздумья были невеселыми. Да, стареть ужасно не хотелось. Но предположим, что каким-то чудом мне удастся помолодеть лет на 20, снова стать хорошенькой блондинкой, снова производить впечатление на мужчин. Но ведь возраст – это не только седина в волосах и поплывший овал лица. Это все то, что произошло за прожитые годы. Когда-то я была юной, отважной, уверенной в своих силах. Но первый научный опыт, так страшно закончившийся, предательство близких людей... Возможно ли все это просто забыть?

Если средство вечной молодости существует, смогу ли я снова стать юной, беззаботной Вероничкой, еще не пережившей предательство жениха, еще не вступившей в брак с человеком, которого не любила? Забуду ли я жуткие события трехлетней давности, знакомство с безумным генетиком Самойловым?

Мне казалось, что переживания, обиды, горькие воспоминания – это и есть мой возраст. А потерявший былую упругость овал лица тут ни при чем. Смогу ли я просто отмотать время назад? Но ведь это бред! Никогда мне не изменить прошлое, никогда не стать снова той наивной домашней девочкой. А значит, я все равно не стану молодой. Тогда зачем все это? Неужели люди надеются стереть возраст, нажав где-то в мозгу кнопку «Делит»?

На смену философским размышлениям пришли еще менее приятные мысли о генетике Кирилле Самойлове. Если кто-то мог бы изобрести эликсир бессмертия, то только он. Только что станет делать безумец со своим изобретением? Разумеется, вначале он омолодится сам. Сколько ему сейчас лет? Около шестидесяти, или он уже опробовал на себе свое снадобье? Тогда сколько же ему – сорок, тридцать, двадцать лет? Наверное, теперь я покажусь ему старой развалиной... Да что это со мной, что за дикие мысли? Нет и не может быть такого эликсира!

Машина остановилась. Алена вопросительно посмотрела на меня:

– Боишься?

– Чего? – машинально переспросила я, лишь через пару секунд припомнив, что в особняке несколько дней назад произошло зверское убийство. Но сейчас-то чего мне бояться? Вокруг особняка полно охраны – кроме двух полицейских во дворе, в доме посменно дежурят двое бодигардов из фирмы «Аргус». Этим вечером как раз смена Алены, если кому-то и стоит волноваться, то ей. А я через полчаса уеду отсюда вместе со сменившимися охранниками.

Все еще на автопилоте я поднялась по полукруглым каменным ступенькам на крыльцо, вслед за Аленой зашла внутрь, в огромный плохо освещенный холл, на мгновение показавшийся мне холодным погребом, куда не проникал солнечный свет. Опомнилась я, лишь поднимаясь по широкой мраморной лестнице, покрытой мягким ковром. В просторном зале второго этажа стояли две большие дежурные пальмы, явно нелюбимые хозяйкой, зато помпезные, подчеркивающие величие дома... бывшее величие? Ну зачем я поддалась на провокацию, и сейчас иду в комнату Зульфий? Вряд ли она в хорошем настроении и мечтает о приеме гостей. Тем более, вряд ли ей хочется увидеть совершенно незнакомую тетку, которой, понимаете ли, вздумалось поглядеть на нее вблизи.

Но отступать было поздно. Гордо выпрямившись, я с независимым видом пристроилась в хвост Алене и, наступая ей на пятки, вошла в небольшую светлую комнатку. На красивом низком бархатном диванчике возле окна сидела женщина, показавшаяся мне смутно знакомой. Дневной свет падал на ее бледное, абсолютно не накрашенное лицо с остановившимся взглядом. На вид ей было лет тридцать – тридцать пять.

Алена остановилась и выразительно посмотрела на меня. Я вздрогнула и вновь пристально взглянула на сидевшую даму. Да, это была она, Зульфия Ротангу, которой, по нашим с Аленой подсчетам, в прошлом месяце исполнилось 64 года.

Честно признаюсь, до этого момента я с трудом верила Алене. Конечно, на сцене Ротангу выглядела потрясающе, но, если меня как следует загримировать, я тоже могу издали показаться юной девицей. Но вблизи, без макияжа, мне вполне можно было дать мой сороковник. Наверняка дело в хорошей пластике...

Алена подошла к равнодушно взглянувшей на нас певице, присела рядом на краешек дивана и начала что-то тихо говорить, подкрепляя свои слова энергичной жестикуляцией. Но Зульфия продолжала все так же безучастно сидеть, словно и не слыша слова Алены. Мне показалось, что она даже не поняла, что в комнате кто-то появился. Я не решилась подойти поближе, и, как дура, стояла в дверях, с заинтересованным видом осматривая комнату. Изредка я бросала взгляды на заторможенную певицу, но рассматривать ее посчитала неприличным. Но удивление все росло.

На сцене Зульфия всегда казалась такой живой, такой энергичной... Она часами удерживала полный зал, и без всякой охраны справлялась даже с подвыпившими мужичками, делающими ее непременно расцеловать. Казалось, она легко остановит на скаку коня и, смеясь, войдет в пылающую избу. Почему убийство девушки, хотя бы и в ее собственном доме, настолько ее сломило... вернее, растерло в порошок? Убитая была для нее больше, чем рабочей лошадкой?

Наконец, Алена встала и подошла ко мне:

– Ника, пошли дом осмотрим.

Мы вышли из комнаты и деловито пошли по узкому коридору. Он казался бесконечным, словно выходил в какое-то другое, четвертое измерение. Одна невзрачная белая дверь, другая, третья, пятая, десятая... По пути Алена резко открывала их все, заглядывая даже в маленькие каморки типа кладовок и стальных шкафов. Я следовала за ней по пятам, невольно задерживая дыхание от испуга каждый раз, когда рывком распахивалась очередная дверь. Нет, умом я понимала, что вряд ли там прячется окровавленный маньяк, сжимающий в руке скальпель. Он давно ушел из этого дома... если вообще пришел сюда со стороны. Но все равно было как-то жутковато. Казалась, давила сама атмосфера дома, словно он отведал запаха крови, впитал его и теперь, как хищный зверь, жаждал новых жертв.

Алена тоже выглядела испуганной и словно постаревшей.

– Тут точно никто не прячется. – остановившись возле лестницы, сказала она. – Ника, ну что, теперь ты убедилась? Думаешь, так может выглядеть старуха, разменявшая седьмой десяток?

– Хирург хороший попался. – пожала плечами я. – Алена, почему она такая? Она что, под какими-то препаратами?

– Ей кучу таблеток понавыписывали. – забеспокоилась Алена. – А что, это вредно?

– Даже не знаю. – медленно сказала я. – Мне кажется, это опасно. А если убить хотели ее? В таком состоянии она не способна будет защититься.

– От маньяка она не сможет защититься ни в каком состоянии. – философски заметила Алена. – Я, наверное, смогу – не зря меня Миша столько времени тренирует. Но не она. Ей все же 64, не забывай.

– Ты сама меня уверяла, что она куда моложе.

Алена лишь махнула на меня рукой, и мы спустились вниз. Там уже стояли три здоровенных парня, которые радостно нас приветствовали.

– Аленка, ты подкрепление привела? – весело спросил высокий смазливый блондин, подмигивая мне. – Чтоб враг устраслился?

– Это моя подруга, она сейчас уедет. – сухо ответила Алена. – Кстати, Вася, как раз тебя хотела попросить подкинуть ее до дома.

– Бут сделано! – Гаркнул Вася, вытянулся и приложил руку к голове, словно отдавая честь. – Доставлю наилучшим образом, ни грамма по дороге не потеряю! Кстати, я первый

этаж уже проверил. – радостно отчитался он. – Все чисто, как в аптеке. Никого, кроме этого боевого пидораса.

Я в изумлении захлопала глазами. Парни весело заржали.

– Это они про Артурчика так. – пояснила Алена. – Кстати, пошли с ним побеседуем. Он наверняка знает, как наша тетушка омолодилась.

– А он разве гей? – осторожно спросила я, послушно следуя за Аленой в дальний конец коридора.

– Вряд ли. Если б не был мужиком, его Зульфия не таскала б за собой. Придурок редкостный, но, наверное, в постели неутомим.

Она притормозила и осторожно постучалась в выкрашенную в розовый цвет дверку.

– Да-аа, войдите! – протянул томный мужской голос.

Мы вошли в полутемную комнату. Почти всю занимала двуспальная кровать, покрытая расшитым красными цветами покрывалом, поверху которого развалился молодой красивый брюнет в нейлоновом спортивном костюме. При нашем появлении он чуть приподнял голову, но тут же улегся опять, опираясь на локоток и манерно изогнувшись.

– А, Алееена! – протянул он. – Охраняешь наш покой?

– Да, маньяков отгоняю. – усмехнулась подруга. – А то вдруг они на тебя покусятся? Кто ж тебя защитит еще?

Артурчик лениво улыбнулся, потянулся и закрыл глаза. Кажется, он воспринимал нас, как неодушевленные предметы. Ничуть не смущаясь таким обращением, Алена села рядом с ним на кровать. Немного подумав, я устроилась рядом. В конце концов, не стоит особо церемониться с обычным жиголо.

– Аленка, ты не в курсе, когда нам выехать отсюда разреша-ааат? – не оборачиваясь, томно протянул парень. – Если гастроли сорвутся, мы ж кредит за этот чертов домище выплачивать не смо-ооожем.

– Как только найдут потрошителя, так вас и отпустят на все 4 стороны. – спокойно сказала она.

– А если его год искать будут? Или десять? Этот дом за долги раньше отберут.

– Сочувствую. – равнодушно ответила Алена, думая о чем-то своем. И внезапно спросила: – Артур, ты сопровождал Зульфию в Новореченск?

– Да я повсюду с ней таскаюсь. – отмахнулся от нас Артур.

– Говорят, там ей вкололи какой-то эликсир, и она помолодела?

– Кто сказал такую чушь? – парень явно занервничал. Он перестал растягивать слова и даже повернулся к нам лицом. – Чокнутые девки какие-то, только слухи дурацкие распускают.

– Какие слухи? – рассердилась Алена. – Ты хочешь сказать, что Зульфия выглядит на свои 64 года?

– Операцию она делала, капитальную. – теперь парень разозлился настолько, что даже сел на кровати. – За границей, в Швейцарии. Кучу бабок угрохала, да еще ей там заражение внесли, она в реанимации месяц провалялась. Я думал, и дом, и машины продавать придется, чтобы счета оплатить. А идиотки мелют языками, как помелом. Ты вроде девка разумная, чего их слушаешь?

– Так она не колола эликсир в Новореченске? – от разочарования Алена чуть не разревелась.

– Нигде она ничего не колола! – отчеканил Артур. – И я больше этот бред слушать не желаю!

Он снова улегся на кровать и демонстративно повернулся к нам спиной. Я встала и быстро пошла к выходу, следом поплелась совершенно убитая Алена.

В полном молчании мы дошли до выхода из дома. Парни, сдавшие дежурство, уже ждали меня в машине. Алена криво улыбнулась мне на прощание и прошептала:

- А все же я верю девочкам, а не Артурчику.
- Зачем ему врать? – усомнилась я.
- Не знаю. Но он врет. – твердо ответила Алена.

Глава 6

Президент небольшого союзного государства Виктор Ящук сидел в своем кабинете и тупо смотрел в окно. За закрытыми окнами царил густая южная ночь – темнота, слегка разбавленная светом уличных фонарей. В кабинете было жарко, даже душно, но Ящук не чувствовал духоты. Его породистое, мужественное лицо сейчас не понравилось бы избирателям – оно выражало явный страх. Красиво очерченные губы тряслись, тонкие пальцы слегка подрагивали. Он прислушивался к частым шорохам вне кабинета, не решаясь встать и подойти к дверям.

После того, как он обнаружил бездыханное тело Галины, он просидел так уже пару часов, не в силах поднести к уху телефонную трубку. Надо было срочно звонить... но куда? Куда можно позвонить, чтобы через полчаса сюда не примчалась желтая пресса, и не подняла вой, будоража народ? Его выбрали с небольшим перевесом, и народ в любой момент готов был снова выйти на площадь с криком «Долой Ящукова!» «Место убийцы – в тюрьме!». Главари оппозиции только и ждут удобного случая. Наверняка, они и убили Галину, чтобы сгубить ненавистного президента. Убили его Галочку, черноволосую хохотушку...

Он вновь мысленно проделал путь до каминного зала. Снова почувствовал сладкий аромат цветочных духов, которыми Галинка поливалась сверх всякой меры, до такой степени, что у него иногда слезились глаза. Но девочка была так хороша, что он прощал ей и сильные духи, и яркую боевую раскраску. И сейчас духи вызвали у него не раздражение, а сильное возбуждение. Правда, он успел удивиться – почему Галинка пришла раньше него? Она всегда опаздывала, приезжала на полчаса позже, гордо проходя мимо его черного лимузина и озорно подмигивая шоферу и охраннику. Виктор много раз пенял ей за фамильярность с охраной, но девчонка лишь хихикала: мол, пусть слюни не распускают, она не для них.

Ведомый цветочным ароматом, он по узкому изогнутому коридору дошел до каминного зала, надеясь увидеть разведенный огонь и раскинувшуюся в широком бархатном кресле красотку. Открыл дверь и в недоумении остановился – в зале царил темнота. Неужели он ошибся, и Галина еще не пришла? Но запах... он бил в нос, как будто стусившись в облако дыма. Ошибки быть не могло – девушка здесь, в темноте... Может, это такой сюрприз?

– Галочка, коханная моя, я тут! – радостно пропел он, включая свет.

Огромная кованая люстра с сотней рожков вспыхнула, ослепляя, и потому он не сразу увидел девушку. Она действительно лежала на кресле, как он и предполагал. Сначала он увидел длинную босую ногу, нелепо торчавшую в сторону, перевел глаза на задранный подол красной юбочки, и лишь затем, не веря своим глазам, уставился на посиневшее, опухшее лицо с приоткрытыми губами и вывалившимся наружу языком.

– Галчонок. – охрипшим голосом позвал он. – Ты пошутить так решила, да? Галочка, ответь же мне... Галина!!!!

Голос сорвался на самой высокой ноте. Он машинально вытер со лба крупные капли пота и, почему-то на цыпочках ступая по ковру, приблизился к девушке. Лишь дойдя до кресла, он увидел, что на ее шее туго затянут черный нейлоновый чулок.

Президент перевел дыхание, еще раз попытавшись взять себя в руки. Дрожь слегка поутихла, и он вновь обрел способность думать. Надо признать, что эта способность вернулась к нему не сразу. Сначала, убедившись, что девушка мертва, он хотел было позвать охрану, чтобы парни вывезли тело за город и тихо похоронили. Хорошо, что последние крупницы рассудка удержали от безрассудного поступка. Если это подстава, его враги, разумеется, знают про труп. Какой подарок он бы им сделал, тихо избавившись от тела! Тем более, полным безумием было бы вовлечь в это дело двух охранников. Ведь сдадут они его при первой возможности,

продадут ни за понюшку табаку! И где тело зарыли, укажут, и все показания нужные дадут – вплоть до того, что Яшуков сам признался им в убийстве.

Подстава проведена мастерски, но... Как убийцы проникли в его городскую резиденцию? Парадный вход охранялся часовыми, зайти можно было с черного хода, но только зная код сигнализации. Он лично менял этот код каждый месяц, сообщая его лишь семье, любовнице и нескольким доверенным людям их охраны. Получается, его предали свои... Но кто? Кто вообще мог знать, что сегодня у него свидание с Галочкой? О своей интимной жизни он не распространялся. Жена подозревала, что у него есть любовница, и даже не одна, но не знала ни имен, ни тем более места и времени очередного свидания. Впрочем, о сегодняшней встрече врагам могла проболтаться сама Галина. Юная девчонка, вдруг ставшая чуть ли не первой леди страны – где ей было удержать за зубами язык?

Яшуков наконец взял себя в руки, достал из кармана мобильник и набрал номер главного прокурора Федченко:

– Олег, беда... Галину убили. В каминном зале, где же еще? Нет, я не пьян. Ее задушили. Удавкой. Как где? Я в городской резиденции, в своем кабинете. Назначил ей тут свидание... Нет, я не сошел с ума. Не могу же я с девушкой номер в гостинице снимать! Что, под дверью портье посажу, а под окнами будет охрана дежурить? У нас в стране все друг друга знают. Да меня этой же ночью папарацци заловят! – он невольно повысил голос, но тут же спохватился. – Олег, бери с собой проверенных людей. Сам понимаешь, стоит хоть одному репортеришке пронюхать новость – и мне конец.

Он бессильно опустил руку с телефоном вниз и чуть не выронил аппаратик, когда тот внезапно завибрировал в его руке. Машинально взглянул на табло и оторопел, прочитав надпись: «Номер скрыт». Позвонить ему напрямую могло совсем немного народу, и он искренне верил, что у всех хватит такта не тревожить его с чужих телефонов. И надо же, именно в такой момент...

Тем не менее, он нажал клавишу «Прием» и нехотя поднес трубку к уху:

– Да?

После секундной паузы из трубки раздался приглушенный женский смех.

– Кто... кто это? – охрипшим голосом просипел он в трубку, мгновенно покрываясь липким потом.

В ответ смех на секунду смолк, словно захлебнувшись, а потом зазвенел с новой силой, напомнив президенту надтреснутый школьный колокольчик, в который он звонил в первом классе на торжественной линейке. Телефон выпал из ослабевшей руки и с глухим стуком упал на каменный пол, расколовшись на две ровные половины. А звонкий женский смех так и продолжал звенеть, пульсировать у него в голове.

Глава 7

Полтора века назад, 1876 год...

К его огорчению, в больнице девушку откачали. Разумеется, пришлось удалить внутренние органы, и детей иметь она больше не могла, но ее жизнь была вне опасности. Более того, врачи сообщили отцу Флоры имя коварного соблазнителя, и тот потребовал жениться ради чести семьи. В противном случае он угрожал застрелить поддонка на месте.

Нейл Крим женился. Но искалеченная жена никакого интереса не вызывала, и он просто сбежал в Лондон, потом в Эдинбург, и вернулся в Канаду лишь после смерти несчастной Флоры. В провинции Онтарио он открыл частную клинику, где стал проводить нелегальные аборты.

Поскольку аборты были запрещены законом и жестоко порицались общественным мнением, незамужние девушки скрывали свою беременность даже от собственных родителей. Доверяли они лишь врачу. Нейл Крим собирался выкачать побольше денег из этих шлюз, чтобы потратить их на свои развлечения. Но стоило первой же девице сесть на кресло и раздвинуть ноги, как он вспомнил Флору. Вспомнил то жуткое возбуждение, охватившее его от криков девушки, от ее конвульсий... И он, «забыв» вколоть морфий, стал с наслаждением кромсать незащищенное тело.

После операции он наконец накачал девушку морфием и отправил домой, велел сказать родителям, что она упала с высоты. Как ни странно, она осталась жива, и никому не пожаловалась на врача-садиста. Что с ней будет дальше, Нейла не интересовало. Не сможет иметь детей? Ее проблемы. Одна такая же цыпа чуть не сломала его жизнь, так что это справедливая расплата.

Он делал подпольные операции, калеча девиц, но ни одна не посмела пожаловаться в полицию. Но в 1879 году он увлекся очередной местной красоткой, Кейт Гарднер, и она тоже забеременела. Но на сей раз Крим не растерялся. Дорожка была проторена.

Он обещал жениться на девушке, но если она позволит ему немедленно провести аборт. За дело он взялся сразу, чтобы несчастная не успела проговориться родителям или подругам. На сей раз кресло он не использовал. Ему хотелось полного повторения того чудного переживания, которое было у него с Флорой. Он привязал Кейт к стулу, и стал мучить. Правда, вместо спицы на сей раз в его руке был скальпель.

Когда девушка скончалась от кровопотери и болевого шока, Крим задумался. Что теперь делать с трупом? Расчленять, прятать останки? Голова была ясной, возбуждение схлынуло, и он принял другое решение. Выволок окровавленное тело во двор, положил рядом бутылку хлороформа и отправился спать.

* * *

Ночное дежурство выдалось ужасным. Алена знала, что на первом этаже дежурит Вовчик, а во дворе – полицейская машина, и тем не менее ей было сильно не по себе. Хорошо развитая интуиция подсказывала – в доме опасно. Готовится новое злодеяние – вот только против кого оно будет направлено? На этот вопрос внутренний голос ответа не давал.

На всякий случай Алена решила не спать. Она строго предупредила все еще заторможенную Зульфию, чтобы та затворила окно и закрыла дверь изнутри на задвижку, и стояла возле ее двери до тех пор, пока не услышала характерного металлического звука, означавшего, что певица не забыла запереться на ночь. Артурчика должен был предупредить Вовчик, но Алена и не собиралась волноваться за противного парня. Она еще раз проверила все комнаты второго

этажа, и, несколько успокоенная, зашла в маленькую спальню, на всякий случай оставив дверь нараспашку.

В комнатке, кроме узкой тахты и прикроватной тумбочки, стоял лишь низкий журнальный столик. Ни телевизора, ни любимого ноутбука... Заняться было абсолютно нечем. Алена пошарила у выдвижном ящике тумбочки, достала невест кем оставленный любовный роман, поудобнее устроилась на низком лежаке и попыталась читать. Через пару минут она отложила книжку, сообразив, что все равно не понимает ни слова. Перед глазами вновь и вновь всплывала жуткая картина – разводы кровь, багровые, почти бурые, изрезанные куски плоти, и кружащиеся за залитым кровью окном лепестки жасмина. Такие белые, невесомые, словно первые снежинки...

За окнами сгустилась темнота. Алена взглянула на часы – ого, уже за полночь перевернуло! Ладно, глядишь, потихоньку и дежурство пройдет, а днем она отоспится. Она слегка успокоилась и улеглась на маленькой тахте, сожалея, что при ее росте вытянуть ноги никак не получается. Постепенно ее веки отяжелели, и она стала медленно погружаться в сон.

И вот в этом состоянии между сном и явью она услышала тихий шорох в коридоре, словно кто-то, осторожно ступая, крался к ее комнате. Алена резко села и потрясла головой, пытаясь понять – во сне или наяву она слышала шаги? Кровь настолько сильно пульсировала в висках, что глушила посторонние звуки, даже если они и были. Она начала лихорадочно вспоминать, чему ее учил Миша.

Ага, надо встать возле открытого дверного проема, прижавшись к стене так, чтобы дверь полностью закрывала от врага. Дождаться его появления в комнате, и внезапно атаковать. Что же, так она и поступит. Она в два прыжка достигла двери и спряталась за ней, затаив дыхание и прислушиваясь. Сердце бешено колотилось, и кровь в висках еще пульсировала, но она уже обрела способность соображать.

Внизу дежурит Вовчик, во дворе – наряд полиции, их можно позвать на помощь. Но... А вдруг окажется, что на ее этаже никого нет? Ну, кроме крепко спящей Зульфий. Как будет выглядеть тогда Алена? Пожалуй, работу она потеряет. Кто станет держать в охранной фирме трусливую истеричку?

А если в дом все же проник посторонний, а она не позовет подмогу? Справится ли в одиночку? Почему бы нет? Что там может быть в руках маньяка – нож, скальпель? Ничего, зато у нее боевой пистолет. Стараясь действовать бесшумно, она расстегнула кобуру и аккуратно достала оружие. Стреляет она неплохо, если не убьет гада, то ранит наверняка. Ну когда же он появится в комнате?!

Она постояла возле стены еще несколько минут. Но все было тихо. Если она действительно слышала шаги, то теперь злоумышленник либо остановился, либо куда-то зашел. Она похолодела – а вдруг он постучал в комнату Зульфий, а та, одурманенная лекарствами, открыла дверь? Забыв об осторожности, Алена сжала в руке пистолет и, держа его на уровне груди, выбежала в коридор. Он был абсолютно пуст, только в самом конце тянуло прохладой от широко распахнутого окна.

Алена прижалась к стене, не понимая, что теперь делать. Еще час назад окно было закрытым, в этом она не сомневалась. Его открыли недавно. И что сие означает? Неизвестный маньяк влез в окно... а дальше? Он снова вылез, или все еще на этаже? В пяти свободных комнатах могла спрятаться целая рота маньяков. И проверять это в одиночку – безумие. Стоит ей войти в комнату, и притаившийся за дверью маньяк нанесет смертельный удар.

Спуститься вниз и оставить без охраны спящую Зульфию она тоже не могла. Ладно, пусть она прослывет истеричкой, но пора звать подмогу. Она достала из кармана мобильный и быстро набрала номер:

– Вовчик, тревога! Нет, сам не поднимайся! Выйди на крыльцо и попроси подняться одного из полицейских. Да, тут открыто окно, похоже, в доме чужой!

Позвонив, она слегка успокоилась, спрятала в карман телефон и опустила пистолет. И тут услышала негромкий шум из комнаты напротив – судя по звуку, там открывали окно.

Сердце вновь бешено застучало в груди, но она, не раздумываясь, бросилась на шум. Раз преступник у окна, он вряд ли может караулить ее под дверью. Она влетела в комнату как раз в тот момент, когда на подоконнике нарисовалась какая-то темная тень.

– Стой, стреляю! – истерически выкрикнула она, схватил пистолет двумя руками и целясь по ногам. Но фигура взмахнула руками и прыгнула вниз. Алена подбежала к открытому окну, перегнулась через подоконник и, напрягая глаза, попыталась обнаружить в темноте движущуюся цель. Но злоумышленник в темном костюме просто слился с местностью, и в темноте его было не разглядеть.

– Эй, кто здесь живой? – раздался окрик из коридора. Алена выбежала на зов и увидела молодого полицейского, с интересом уставившегося на ее обтянутую плотной майкой грудь.

– Тут был чужак. – задыхаясь от пережитого волнения, сказала она. – Только что он выпрыгнул в окно.

– Так у вас же пистолет. – усмехнулся полицейский. – Чего ж не стреляли?

Его презрительная усмешка вывела Алену из себя.

– Полагаешь, я все придумала? – резко спросила она. – Сама открыла оба окна, и потом позвала на помощь?

– Так может, окна и были открыты. – пожал плечами полицейский. – А вы просто не заметили. А тут ветер подул, ставни заскрипели, вот вы и всполошились.

Алена лишь устало махнула рукой и попросила:

– Пусть ваш напарник пройдет по двору с фонариком.

– Ладно, я сейчас спущусь, и мы вдвоем пройдемся. – пожал плечами полицейский. – Хотите быть третьей?

Алена заколебалась. С одной стороны, надо было пойти – иначе обход будет пустой формальностью. С другой стороны, нельзя оставить без прикрытия этаж. Чуть подумав, она нашла выход:

– Подежурьте здесь минут десять, а я погуляю вокруг дома с вашим напарником.

– А, так вы на Только глаз положили! – обрадовался полицейский. – И потому весь кипиш устроили? Да сказали бы мне все прямо, неужто я б вам мешать стал?

– Да, б***, я с первого взгляда в него втюрилась! – закипела Алена. – Гоняюсь тут с пистолетом за тенью, лишь бы его увидеть!

– Да не горячитесь вы так. – слегка опешил парень. – Ладно уж, идите, я тут постою. Только мигом!

Кивнув, Алена понеслась вниз. На всех парах пролетев мимо встревоженного Вовчика, она выбежала во двор и бросилась к стоявшему возле крыльца полицейскому:

– Вы Толик? Думайте что хотите: я в вас влюбилась, возненавидела, хочу подать на алименты – только давайте обойдем этот дом вокруг!

Толик оказался то ли более доверчивым, то ли более покладистым, и спорить не стал. Светя вокруг мощным фонарем, они с Аленой обошли двор, и убедились, что он абсолютно пуст. В невысокие кусты отцветшей сирени и опадающего жасмина Алена забиралась полностью и буквально ощупывала руками пространство. Но злоумышленника там не обнаружилось. Все окна первого этажа тоже были наглухо закрыты, и лишь на втором этаже зияли два черных открытых проема.

Глава 8

– Я не хочу идти на этот прием. – Тамара Ящуков поежилась и поплотнее закуталась в расшитую золотыми цветами шаль. – Я вообще не собираюсь выходить из резиденции без охраны.

– Я дам тебе целый взвод! – президента взбесила новая причуда жены. У него такие неприятности, а тут эта курица выкобенивается! – Они тебя на руках в зал внесут!

– И останутся у выхода. – выразительные глаза бывшей актрисы расширились и потемнели. – Охрана не заходит на такие приемы!

– Да что ты выдумала? – Виктор Ящуков с трудом сдерживал ярость. – Кому ты нужна?

– За мной следят. – президент аж передернулся от злости. – Я чувствую это. Чей-то взгляд... такой злой... Я боюсь ходить по улице даже с охраной. Мне кажется, вот-вот откуда-то сверху раздастся выстрел, и пуля ужалит висок. – она картинно пошатнулась и жестом отчаяния прикрыла лицо руками.

Не надо было ей уходить со сцены, с тоской подумал президент. Столько лет прошло, а она продолжает играть драматические роли. И кто бы знал, как надоел ему этот театр одного зрителя! К сожалению, развестись или хотя бы жить отдельно он не мог. Враги только и ждут, когда он оскандалится. В газетах постоянно появлялись фотографии очередных любовниц президента, но к его походам налево народ относился снисходительно и даже с некоторой гордостью – 64 года мужику, а как силен! А вот истерики брошенной жены могут сильно повредить его репутации. Тамара многое может рассказать, если захочет отомстить. Жаль, что ее нельзя тихо, без огласки, убрать...

Он сам испугался своих мыслей. Тамара еще что-то говорила, но он уже не слушал. Перед глазами снова возникло посиневшее, опухшее лицо красавицы Галины, ее вывалившийся язык и черная, похожая на змею лента, обвившая шею. Прокурор Федченко подключил к делу об ее убийстве самых лучших сотрудников, но никаких концов они не нашли. К делу привлекли и проверенных сотрудников спецслужб, но и это не помогло. Прокурор все больше убеждался, что убийство девушки – подстава конкурентов, ожидавших, что дело получит огласку в прессе.

Президент в ужасе ждал, что вот-вот об убитой девушке начнут писать местные газеты. Сначала появятся небольшие заметки: куда исчезла новая пассия Ящукова, юная Галина Нетребко? И с желтых листков на него будет смотреть улыбающаяся Галинка, навсегда оставшаяся молодой. Понемногу статьи станут больше и жестче, в них появятся интервью с матерью девушки, где она на всю страну начнет рыдать: этот зверь что-то сделал с ее доченькой, материнское сердце не обманешь! Потом статьи станут огромными, с выносом на первую полосу, и журналисты будут прямым текстом утверждать – Ящуков убил свою любовницу, задушил, как Отелло Дездемону. Не исключено, что в газетах появятся и фотографии убитой девушки – наверняка у убийц они есть. Но... Прошла почти неделя, а журналисты как воды в рот набрали. Чего ждут люди, зверски убившие его Галинку?

– Ты пойдешь на прием! – уловив обрывки пламенной речи жены, рывкнул он. – Нечего меня перед народом позорить!

– Ты хочешь моей гибели? – обреченно спросила Тамара. – Ну что же, она будет на твоей совести.

С видом королевы, приговоренной к смертной казни и не желающей опускаться до мольбы к простолюдинам, она повернулась и, вскинув голову, пошла на свою половину дома. Президент с досадой посмотрел ей вслед, и снова погрузился в невеселые мысли.

Прием в честь дня независимости их маленького, но гордого государства, должен быть грандиозным. Приглашены все послы дружественных держав, журналисты крупных зарубежных газет, телевидение... Предусмотрена трансляция в прямом эфире, причем не только на

его страну, но и на главный российский канал. Но вдруг именно на этом приеме враги приготовили ему сюрприз – вопросы о погибшей девушке? Замять скандал не удастся. Надо быть готовым ко всему. А тут еще истерика Тамары...

Но какое-то время все шло гладко. Тамара оделась, словно невеста, в пышное белоснежное платье, а ее лицо по-прежнему выражало скорбь, но Ящуков давно не обращал внимания на ее причуды. Погруженный в прежние тревожные мысли, он прибыл на прием, под руку с элегантной Тамарой прошел по залу, пожал руки послам и вышел на небольшую сцену, чтобы произнести приветственную речь. Защелкали вспышки фотокамер, оператор Первого канала направил на него объектив.

Он бодро начала говорить, но в середине речи по привычке поискал глазами жену, но не нашел, от чего стал нервничать и сбиваться. Вот когда он пожалел, что никогда не читал речи по листочку, полагался на свою безупречную память. Но тут она подвела. Куда делась Тамара? Может, она вышла из зала, чтобы дать интервью журналистам враждебных ему газет? Что она им наговорит?

Кое-как закончив приветствие, он спустился с трибуны и быстро прошел по залу, но белоснежного платья не увидел. С озабоченным видом вышел в коридор, небрежно кивнул встревоженной охране, дошел до дамской комнаты и на минуту замер. Туда входить неудобно, что подумают журналисты... Ладно, надо приказать охране найти Тамару, немедленно. В этот момент к нему подошел молодой охранник и робко протянул сложенную записку:

– От вашей жены.

Президент с досадой развернул записку. Так он и знал! Очередная истерика.

«Витя, я поняла, что ты мечтаешь от меня избавиться. Ты изменял мне всегда, но я это терпела. Но не думай, что ты сможешь выбросить меня, словно использованную салфетку. Ты пожалеешь, что решил меня бросить!»

Ящуков с трудом перевел дыхание. Нет, так дело не пойдет. С Тамарой надо что-то решать, ее истерики перешли все разумные границы. От нее пора избавляться, но... Если бы точно знать, кто из его людей ему предан, кто не продаст его за понюшку табаку! Он вспомнил про майора Гончаренко из спецслужбы. Наверняка такое же продажное дерьмо, как все вокруг, но в случае успешной поимки убийцы президент пообещал ему пост министра МВД. Вряд ли конкуренты догадаются перекупить майора. Да, пожалуй, на него можно рассчитывать.

Ящуков заперся в комнатке с двумя нулями и позвонил майору:

– Степан Петрович? Срочно проследите за моей супругой! Она незаметно ушла с приема, похоже, даже охрану с собой не взяла. Надо выяснить, куда она пошла.

Поговорив с майором, он прошелся по коридору, покружился по залу и слегка успокоился. За взбрыкнувшей супругой проследят, не дадут ей наделать глупостей. Никаких неприятных сюрпризов не было, а теперь уже и не будет – телевизионщики уехали. Можно расслабиться, выпить текилы с лимоном.

Он бросил щепотку соли на тыльную сторону ладони между большим и указательным пальцами, с наслаждением слизал ее и залпом выпил обжигающую жидкость. Вспышки снова защелкали, но Ящуклова они не волновали – пусть народ видит, что президент знает толк в напитках! Еще раз прошелся по залу, поговорил с немецким послом, потом с английским консулом, и с облегчением подумал, что можно и уезжать. Пусть журналисты веселятся без него. В этот момент зазвенел его мобильный, и на сенсорном дисплее высветился номер майора Гончаренко.

– Да? – севшим голосом спросил президент, уже понимая, что случилось ЧП. – Что произошло?

– Ваша жена убита. – резко, как на плацу, отчеканил майор. – Убийца задержан. Я бы попросил вас прибыть в резиденцию, но перед входом отпустить охрану. Здесь и так много наших людей, а лишняя огласка вам, полагаю, ни к чему.

До замка Яшуков доехал буквально на автопилоте. У входа стоял весь караул, обычно охранявший резиденцию изнутри, и все с недоумением смотрели на президента. Он отпустил охрану и вошел в подозрительно опустевшее помещение. Степан Гончаренко ждал его в холле.

– Разрешите доложить! – от усердия майор вытянулся во фронт и аж прищелкнул каблуками. – Убийца уже допрошен. И такие вещи выясняются... – он интимно понизил голос и подошел почти вплотную к президенту. – Что просто такого быть не может, потому что не может быть никогда. Но если это не ошибка... Если это правда... Так это ж оружие новое! Даже лучше!

– Какое оружие, что вы городите! – но изобразить праведное возмущение у него не получилось. Он сам почувствовал, как жалко дрожит и прерывается голос. – Что с моей женой, кто ее убил?

– Да вы не нервничайте так, пройдите и посмотрите! – тон майора стал совсем фамильярным. – Сами все поймете.

На подкашивающихся ногах президент пересек холл, повернул налево по коридорчику и зашел в небольшую комнатку для прислуги. Она была полна народу.

– А вот, вы знакомы. – майор протянул руку, показывая на кресло у окна. Президент уставился туда, и пол плавно ушел у него из под ног. Майор все еще ликовал, но Яшуков этого уже не слышал. Один из подбежавших службистов поднял руку упавшего навзничь мужчины и с сожалением покачал головой:

– Кажется, еще жив. Но вряд ли оклемается.

Глава 9

Алена шла по городу, крепко сжав руку Михаила, и с опаской оглядывалась по сторонам. Светило вечернее осеннее солнце, окрашивающее старые деревянные дома в яркие краски и превращавшее их в сказочные избушки, и даже красные кирпичные дома в солнечных лучах смотрелись нарядными, как подружки невесты. Тем не менее, у Алены временами перехватывало дыхание от непонятной тревоги.

Она плотнее запахнула теплый плащ с меховой подкладкой, и попыталась понять, что так напрягало ее во время прогулки, пока до нее не дошло – всю дорогу она слышала приглушенный собачий вой. Она не могла толком понять, откуда он доносится – то ли из-за высоких деревянных заборов, то ли из окон многоэтажек – но он не стихал вот уже полчаса, хотя Алена со спутником прошла уже много кварталов. Казалось, все собаки города справляют свои звериные поминки. Но по кому?

– Давай вернемся, – не выдержала она, когда они подошли к каменным ступенькам, ведущим на набережную. – Мне холодно.

Михаил с удивлением взглянул на нее, но спорить не стал. В самом деле, в этом городе было намного холоднее, чем в Москве. Видимо, климат сильно портила река Пенка, пересекающая Новореченск ровно посередине. Река была широкая и полноводная, но какая-то темная и словно неживая. Узкая гранитная набережная и вчера днем, и сегодня была пуста, на деревянных скамейках возле воды никто не сидел, и это сильно удивляло Алену. Вдобавок, от воды даже днем поднимался сероватый туман, и постоянно дул влажный, какой-то пронизывающий ветер.

Он развернулись и быстро пошли обратно, к медцентру «Восставший Феникс». Алена старалась не слышать несмолкающий протяжный вой, но он словно впитался в мозг, не давая покоя.

– Миша, ты слышишь? – не выдержала она, еще больше ускоряя шаг. – Собаки воют?

Жених лишь с недоумением взглянул на нее и пожал плечами.

– Они не должны все время выть! – не унималась она. – Только если рядом покойник. Но не могут же во всех домах быть мертвецы!

– Ты такой спец по собакам?

– В моем Дубровске собаки были у всех соседей. – обиделась Алена. – У мамы тоже когда-то была, но умерла, когда я еще не родилась. Но я с соседскими псами дружила. Вот так они были, когда в соседней квартире баба Маша померла. Она одинокая была, никто и не хватился сразу. Не видно ее было пару дней, а наши бабки и не прочухались. Лишь на третий день обратили внимание, что собаки окрестных домов выть стали. Вот так же протяжно, жалобно...

– Думаешь, в городе массовый мор? – заинтересовался наконец Михаил.

– Не знаю – передернулась Алена. – Но все равно сильно не по себе. Еще и этот туман...

Туман в самом деле преследовал их по пятам, словно играя в догонялки. Они еще ускорили шаг, но сероватая дымка уже расстилалась вокруг, укутала их, словно ватным сырым одеялом, заглушила шаги по асфальту. Алена крепче вцепилась в локоть спутника, и потащила его за собой – скорее, скорее дойти до клиники! Михаил тоже почти бежал, и через пару минут они уже стояли перед входом в трехэтажный медцентр с огромными стеклянными окнами и декоративными балкончиками. Миновав пост охраны, быстро поднялись наверх, в палату, больше напоминавшую двухместный номер дорогой гостиницы. Внутри «Восставшего Феникса» вообще царила обстановка роскошного отеля с коврами и пальмами.

В палате Михаила половину стены занимал плазменный телевизор, а для Алены поставили раздвижное кресло, чуть ли не более удобное, чем кровать.

Раздевшись практически полностью, они попытались было вдвоем устроиться на этом кресле, но в дверь уверенно постучали, и в палату вошла заведующей Лидия. Она с самого начала сильно смущала Алену.

На вид Лидии было лет тридцать, но яркие синие глаза под крашенными белыми локонами смотрели с таким презрительным прищуром, словно ей давно перевалило за полтинник, и все в своей жизни она уже повидала. Это узкое породистое лицо с ледяным взглядом больше подошло бы Снежной королеве, прожившей целые века в одиночестве и безмолвии. Впрочем, чужими манерами Алена обычно не интересовалась. Но этот цепкий, хозяйский взгляд, которым блондинка окинула Михаила при первой встрече... Алена буквально почувствовала, как напрягся ее спутник от этого взгляда, как невольно втянул живот и выпятил грудь. И тут же внесла красотку-заведующую в короткий список своих личных врагов. К тому же оказалось, что белокурая бестия состояла в законном браке с главврачом центра Борисом Петровичем Тихоновым, и оттого Алена почему-то обозлилась на нее еще сильнее.

Прошло три дня с начала лечения, и Алена не могла отметить – свое дело Лидия знала отлично. Как ни странно, в их отделении не было ни одной медсестры, только мужчины-врачи и санитары. На других этажах медсестрички были, они забежали в столовую центра, в гардероб, но никогда не поднимались на третий этаж. Здесь из всего женского персонала была лишь Лидия. И она лично делала пациентам уколы, причем, рука у нее была безусловно легкой.

Теперь врагиня быстро вошла в палату, и, не обращая внимания на вспыхнувшего полуголого Михаила, сказала куда-то в пространство:

– Сегодня основные процедуры мы сделаем чуть раньше. Одевайтесь.

– А в чем дело? – Алена решила повystупить. – Вы решили нарушить график, так хоть бы не вlamывались без стука!

– Я стучала. – Лидия гордо вскинула голову, красиво тряхнув длинными локонами. – Вы просто были слишком заняты, и не слышали!

– Да, мы были заняты! – пошла вразнос Алена. – И вы могли извиниться и выйти из комнаты! Почему мы должны одеваться при вас?

Михаил что-то заворчал из под ее руки, а Лидия вдруг мягко спросила:

– Миша, я вас смущаю? Мне выйти?

От возмущения Алена резко вскочила на ноги:

– Что вы себе позволяете!

– Девочка, не надо ревновать. – теперь Лидия ласково улыбалась. – У вас очень привлекательный мужчина. Вам его все равно не удержать.

– Да вы... – Алена задохнулась и с отчаянием выкрикнула: – Я все вашему мужу скажу!

– Что именно? – Лидия ни на миг не потеряла спокойствия. – В чем вы меня обвиняете?

Алена в полной растерянности оглянулась на Михаила. Он уже успел одеть мягкий фиолетовый халат и стоял позади нее, не вмешиваясь в спор.

– Миша, пойдемте. – и Лидия вышла из палаты, даже не повернувшись к Алене. Михаил молча последовал за ней, а Алена покорно поплелась следом.

В душе у нее все кипело. Зачем, зачем она придумала эту историю с омоложением? Да, надо признать – всего за три дня в клинике Миша сбросил лет десять минимум. А ведь лечение еще не закончено. Но... Он не только помолодел, но действительно стал очень привлекательным для женщин! Намного более привлекательным, чем ожидала Алена. Вернее, она даже не думала об этом, когда записывалась в медцентр, когда соглашалась на некоторые странные условия, и подписывала бумагу о неразглашении методов лечения. Но обратного хода нет. Надо привыкнуть к новому, более молодому и привлекательному Мише, надо перестать ревновать...

Она взглянула на длинные ноги Лидии, слегка прикрытые коротеньким белоснежным халатом, и ее вновь захлестнула волна раздражения. Чтобы отвлечься, она начала рассматривать двери палат, мимо которых шла.

Отделение было роскошное. На бежево-розовых стенах висели натюрморты в дорогих золоченных рамах, полы были покрыты мягкими коврами, в которых утопали ноги и проваливались каблучки. Поэтому Алена предпочитала кроссовки. Но, несмотря на всю красоту, это была именно больница. Забыть об этом мешал едкий запах лекарств, и, как казалось Алене, непонятного страха. Такой запах Алена часто отмечала в некоторых больницах, куда привозили людей с тяжелыми травмами. Сама она, к счастью, бывала там лишь по долгу службы. Но откуда этот аромат тревоги здесь, в роскошном медицинском центре, оборудованном по последнему слову науки?

Палат было довольно много, но почти все пустовали. Кроме них с Михаилом, в отделении находилось всего четыре человека.

В соседней палате обитал высокий худощавый мужчина лет сорока, постоянно прогуливающийся по коридору. Алене казалось, что он сильно нервничает, хотя, возможно, он просто любил пешие прогулки. В принципе, любитель прогулок был вполне в аленинском вкусе – высокий, спортивный, с холодным пристальным взглядом. Про себя Алена назвала его Бегуном. Если бы не Михаил, Алена с удовольствием с ним бы пококотничала. Но может, ей вовсе не стоит отказываться от легкого флирта? Миша вот в открытую пялится на Синеглазку в белом халатике, и на чувства невесты ему плевать. Пусть теперь сам поревнует!

В конце коридора было занято еще две палаты. В одной находились толстяк, явно разменявший седьмой десяток, и его спутница, молодая рыжеволосая девица. А вот следующий пациент явно был непростой птицей. Он приезжал в клинику через день, всегда в простых джинсах и полосатом свитере, каждый раз всего на пару часов. И всегда по пятам за ним ходил телохранитель – здоровенный бритый мужик с кобурой на поясе. Видимо, этот пациент был крутым бизнесменом, раз опасался покушения даже в охраняемом медцентре. Алена рассматривала бизнесмена с интересом, и он, казалось, отвечал ей взаимностью. По крайней мере, в его взглядах читалась явная мужская заинтересованность.

Толстяку явно не помешало бы сбросить десяток годков, но и Бегун, и Бизнесмен в джинсах казались достаточно молодыми, чтобы не прибегать к услугам «Феникса». Возможно, в начале лечения они выглядели намного старше? Алене очень хотелось побеседовать с соседями, вечерами она крутилась в коридоре, но люди в отделении собрались на редкость необщительные.

Толстяк со спутницей небрежно кивали ей, столкнувшись на прогулке, но в разговоры вступать не собирались. Бегун здоровался вежливо, но особого желания поболтать не выражал. И заинтересовавший Алену бизнесмен вообще не ночевал в палате, и подкараулить его вечерами девушке не удавалось.

Процедуры закончились быстро и без конфликтов, и заметно повеселевший Михаил повел Алену на первый этаж, в очень даже неплохое кафе медцентра. Сидя за изящным пластиковым столиком, покрытыми кружевной льняной скатеркой, Алена вяло огляделась. Так и есть, и быстроногий сосед, и толстяк со своей красавицей уже сидели за соседними столиками. Для ужина было рановато, но почти все места были заняты. Алена потребовала пельмени и бокал «Хенесси». В груди у нее словно застыл сгусток холода, и она никак не могла согреться. Михаил изумленно поглядел на невесту, но возражать против странного выбора не стал. Алена поежилась, пригубила коньяк и попыталась понять, отчего ей так неуютно в этом милом месте?

В этот момент она случайно взглянула в сторону бара и обомлела: наклонившись к молоденькой барменше, неприступная Лидия что-то шептала ей на ухо. За все три дня пребывания в медцентре Алене не приходилось видеть в кафе кого-либо из администрации. Видимо, для них это место было недостаточно пафосным. А уж надменная заведующая, панибратски беседующая с официанткой кафе... Такое не могло привидеться даже во сне.

Изумленная Алена присмотрелась и поняла: ее соперница чем-то сильно взволнована. Ее обычно сжатые в полоску губы слегка подрагивали, она периодически оглядывалась на посе-

тителей, и Алене показалось, что синие глаза потемнели от какого-то непонятного, но явно сильного чувства. Что это было – ярость, страх?

Алена хотела было спросить Михаила, но тот, уткнувшись глазами в тарелку, самозабвенно уплетал мороженное. Отвлечь его от лакомства, чтобы показать взволнованную красоту? Алена решила, что не стоит. Она снова перевела взгляд на Лидию, но тут сбоку донесся громкий капризный голосок:

– Плюшка моя, опять ты сок горький заказал!

Алена обернулась на голос и увидела привычную уже картинку: кудрявая блондиночка капризно отодвинула от себя стакан апельсинового сока.

– Заинька, да обычный сок... Не придирайся, а? – умоляюще попросил толстяк. – Ну вкусный сок, всегда же тебе нравился!

– Всегда нравился, а сегодня горький! – упрямо повторила блондинка. – Сам такую гадость пей!

Краем глаза Алена заметила движение за спиной, резко обернулась и увидела, что к столу толстяка быстро шла, почти бежала, Лидия. Но прежде, чем она приблизилась, раздосадованный толстяк схватил бокал сока и в несколько глотком выпил его. Подскачившая Лидия буквально выхватила из его рук пустой бокал и дрожащим голосом спросила:

– Валерий Францевич, вы себя хорошо чувствуете?

– Как обычно. – не приветливо буркнул толстяк. – А чего вы вдруг обеспокоились?

– Ну как же, вы наш гость, и ваше здоровье важнее всего. – голос Лидии повеселел, и вдруг раненой птицей взмыл вверх: – Что с вами?

Алена вскочила на ноги, Михаил уже бежал к столу, но не успел. Толстяк, протяжно захрипев, повалился на пол, судорожно хватаясь за свисающую нарядную скатерть. Под визг Лидии, крики блондинки и звон бьющихся бокалов скатерть сползла, словно накрыв бьющееся в агонии тело узорным саваном.

Михаил мигом сдернул скатерть и в растерянности застыл. Народ повскакивал из-за столов и побежал к упавшему, создавая вокруг него хоть небольшую, но плотную толпу. Лидия упала на колени рядом с ним, быстро достала из кармана халата шприц и жгут. Вместе со жгутом на пол вывалились еще какие-то предметы, но Лидия, как показалось Алене, этого даже не заметила. Она тихо попросила Михаила:

– Перевяжите ему руку выше локтя.

Ее тихий жалобный голос до того поразил Алenu, что она даже забыла приревновать. Происходящее напоминало ей кадры старого немого кинофильма. Михаил перетянул руку толстяка, Лидия вогнала в вену шприц, жестом попросила снять жгут и ввела лекарство. В этот момент Алена прямо залюбовалась ей: спокойная, с туго сжатыми губами – настоящая сестра милосердия. Лидия вынула шприц, и еще несколько минут стояла напряженная тишина.

Наконец мертвенно-бледное лицо толстяка слегка порозовело, он с хрипом втянул воздух и слегка застонал. Звонящая тишина вокруг словно взорвалась, распалась на кусочки. Ото всюду раздавались выкрики, советы, вопросы. Кудрявая блондиночка истошно выкрикивала:

– Меня, меня хотели отравить! На меня было покушение! Где охрана?!

Но из-за общего гула ее крики не производили особого впечатления. Внезапно в толпу вклинились два санитар. Обычно они дежурили в отделении омоложения, наверху, а сейчас, видимо, спустились вниз вместе с Лидией. Она что, предвидела несчастный случай, мельком подумала Алена, и тут же забыла об этом. Старший санитар аккуратно отодвинул Михаила и поставил на пол носилки. Младший, худой парень с черной челкой, почти закрывавшей глаза, помог ему положить на носилки жалобно стонавшего толстяка, и, повинаясь почти незаметному движению бровей Лидии, санитары резво понесли носилки из кафе.

Алена оглядела зал: народ потихоньку покидал кафе, барменша торопливо собирала остатки посуды с кафельного пола. Чуть поодаль, в кучке осколков, валялась небольшая метал-

лическая пластинка, выпавшая из бог весть чьего кармана. Она подняла пластинку, повертела в руках. Это оказался портрет, с которого на нее укоризненно смотрел представительный мужчина с пышными усами. Алена растерянно оглянулась по сторонам, а затем сунула пластинку себе в карман. Надо будет потом отдать врачам, пусть ищут владельца.

Глава 10

Полтора века назад, 1879 год...

Разумеется, когда соседи увидели во дворе окровавленный труп Кейт, они вызвали полицию. Доктора Крима арестовали. В участке он сокрушался, картинно хватал себя руками за голову и причитал:

– Да, я знал, что она хочет убить сначала ребенка, потом себя. Она угрожала мне этим, требую немедленной свадьбы. Я ее любил, но я не терплю шантаж! Я просил ее успокоиться, не торопить меня, дать привыкнуть к мысли, что скоро стану отцом. Но она решила меня наказать. И так жестоко!

Суд оправдал Крима. Он вернулся в клинику, но, видимо, слухи о изуверствах доктора все же стали распространяться по канадской провинции. К тому же, местной прессе очень понравилась история с гибелью Кейт, и доктор получил совершенную ненужную ему на тот момент популярность. Деньги заканчивались, новых пациенток не было и не предвиделось. Он продал захиревшую практику и переехал в знаменитый бандитский город Чикаго.

Там он снова принялся за дело, доставлявшее ему и деньги, и удовольствие. Криминальные абортёры он поставил на поток. Проституток обслуживал бесплатно, но без наркоза. А «истинных леди», которых ненавидел куда больше, чем шлюх, старательно калечил. Впрочем, он старался, чтобы жертва не умирала в его кабинете. И лишь увидев красотку Джулию Фолкнер, решился на очередное убийство.

Убедившись, что никто не знает о ее виде в клинику, он вместо хлороформа дал ей стрихнин. Девушка в страшных муках скончалась прямо в его кабинете. Он выкинул тело на улицу через черный ход, и полиция даже не заглянула в его клинику!

Теперь он уже не мог остановиться. Следующей его жертвой стала мисс Стак. Она умерла на операционном столе от дозы стрихнина. Но, поскольку ее мать знала, куда направляется дочь, доктор Крим решил не выбрасывать тело, а просто сказать, что у девушки не выдержало сердце. Но ее мать подняла скандал, обратилась в полицию, и тогда Нейл решился на ответный удар. Он написал письмо аптекарю, у которого закупал лекарства. Аптекаря он обвинил в превышении допустимой дозы стрихнина и уверял, что девушка наверняка отравилась. Но якобы он, добрый доктор Крим, согласен скрыть роковую ошибку аптекаря, если тот заплатит ему крупную сумму денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.